

- ⁵ Программа КПСС. Новая редакция. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156.
⁶ Там же.
⁷ Цит. по: Кукушкин С. Ю., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 245.
⁸ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 513.
⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 360.
¹⁰ Советская Эстония. 1988. 18 июля.
¹¹ Бакинский рабочий. 1988. 17 сентября.
¹² Правда. 1988. 27 мая.
¹³ Там же.
¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 209.
¹⁵ Там же. Т. 41. С. 342.
¹⁶ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Указ. раб. М., 1987. С. 242.
¹⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 152.
¹⁸ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 197.
¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 240.
²⁰ См. Губогло М. Н. О разработке научной основы вопросов интернационального воспитания // Актуальные проблемы формирования интернациональной зрелости учащейся молодежи. Рига. 1987. С. 15.
²¹ Правда. 1988. 29 июня.
²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 209.
²³ Там же. Т. 45. С. 361.

Л. М. Д р о б и ж е в а

**О ПРОБЛЕМАХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ЗАДАЧАХ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹**

Этносоциология как научное направление сформировалась на волне возрождения социологических исследований после XX съезда партии. В те годы, как и в последующие 70-е, обращение к личностному и межгрупповому уровню изучения национальных отношений было единственным способом приближения к объективному отражению действительности. По данным опросов эстонских социологов в 1986 г., 37% эстонцев и 14% неэстонского населения считали, что отношения между эстонцами и инонациональным населением ухудшились²; близкие данные о межнациональных установках получали и этносоциологи Института этнографии АН СССР при проведении совместных с эстонскими коллегами исследований в 70-е годы, в последующие годы эта тенденция усилилась. Тогда же было установлено, что отношения на межличностном уровне между национальностями в Эстонии, Грузии были сложнее, чем в Молдавии или Узбекистане. Но с самого начала исследований мы обращали внимание на то, что личностный уровень национальных отношений охватывает их социально-психологическую сферу. На этом уровне отражаются национальные отношения в целом, но отнюдь не тождественно им и не исчерпывающе, ибо национальные отношения разворачиваются также и на институциональном, межреспубликанском уровне и проявляются во всех сферах жизни, в том числе — политической, экономической, культурной³. Этносоциологические исследования — комплексные. В них учитывают социальные, экономические, политические, культурные, психологические аспекты тех проблем, которые выделяются как предмет изучения. Поэтому этносоциологи располагают разносторонним, достаточно большим объемом информации. Сейчас когда потребность в конкретных знаниях, ориентированных на практические нужды, возросла, социологи могут поделиться имеющейся информацией и о тенденциях этносоциального развития, и о выявленных закономерностях, программирующих это развитие, и о вызревающих конфликтных ситуациях.

Однако проблемы, существующие в национальных отношениях, значительно шире. И это наглядно отражают и сами события в республиках, и публицистика. «Поле» социальных проблем, на основе которых сформировались к настоящему времени национальные интересы, реальные (иногда ложно поняты), не просто расширилось, но и тесно переплелось с политическими отношениями, развитием экономики, состоянием экологии.

Одной из центральных среди обсуждаемых проблем стала реализация суверенитета республик. Как известно, Союзный Договор, на основе которого объединились республики в 1922 г., дает им большой объем прав. В условиях жесткой централизации 30-х—40-х гг. они не реализовывались. Даже при Сталине в начале 50-х гг. стала осознаваться необходимость децентрализации, ибо война прошла, а на местах созрели собственные кадры. Не случайно с 1953 г. и вплоть до 1957-1958 гг. начал готовиться и проводиться в жизнь ряд постановлений о расширении прав республик, да и деятельность совнархозов в 1958-1965 гг. существенно способствовала этому процессу. Однако затем права республик снова стали урезаться, и не только в области управления хозяйством, что обосновывалось тогда необходимостью укрепления отраслевого управления, но и в сфере руководства культурой.

Между тем никто не может отрицать роста образования и квалификационного потенциала населения в республиках, при всех недостатках знаний работников с точки зрения требований науки и техники сегодняшнего дня. Субъективные решения или нежелание решать проблемы приходили в противоречие с объективными обстоятельствами.

Одновременно общий рост образованности и квалифицированности (в трудоспособный возраст вступили юноши и девушки, в массе своей охваченные десятилетним обучением) со всей очевидностью вскрыл национальное разнообразие человеческого фактора. Сходство в статистических показателях образования у населения республик Прибалтики, Белоруссии, РСФСР и у народов Закавказья и Средней Азии увеличивалось, а производительность труда, как известно, не выросла. Грузия — республика с самым высоким уровнем образования населения в 1975 г. отставала по производительности труда от среднесоюзного уровня. Показатели уровня образования занятого населения Узбекистана, Казахстана, Туркмении были выше среднесоюзных, а по росту производительности труда они отставали от средних по стране, от показателей РСФСР, Белоруссии, Прибалтики⁴.

Об исторически сложившихся особенностях поведения и жизненных ориентаций людей разных национальностей свидетельствовали результаты исследований. По данным опросов горожан в Эстонии 70-х гг., 80% русских и две трети эстонцев одной из важнейших ценностей считали интересную работу. Среди узбеков такого мнения придерживалось около половины горожан.

Людей, связывающих улучшение условий трудовой деятельности с возможностью расширения инициативы на производстве было заметно больше среди эстонцев, чем, например, среди грузин. А узбеки и молдаване главным фактором для улучшения производственной деятельности считали тогда повышение дисциплины труда⁵.

Совершенно очевидно, что исторически сформировавшиеся особенности трудовой деятельности и в ближайшей перспективе будут влиять на развитие экономики, производства. Естественно вставал вопрос об адекватном вложенному труду использовании его результатов в республиках. Отсюда идеи республиканского, регионального хозрасчета.

Если прибавить ко всему этому проблемы экологические, вокруг которых (как можно судить по республиканской прессе) сейчас концентрируются национальные интересы и в России, и на Украине, и в Прибалтике, и в Закавказье, и в республиках Средней Азии, то очевидна заинтересованность республик в повышении самостоятельности в решении этих вопросов.

Мы живем не в изолированном мире и, естественно, у многих возникает

вопрос: как же расширять местную экономическую самостоятельность, если даже разные государства Европы в рамках ЕЭС видят единственный способ спасения от экономического отставания и превращения в технологическую колонию заокеанских гигантов — в объединении: к концу 1992 г. 12 обособленных национальных рынков сольются в «единый европейский рынок» (уже одобрены 100 из 300 мер, необходимых для ломки внутренних барьеров и свободного перемещения рабочей силы, капитала, товаров, услуг, научно-технических идей, опыта)⁶.

Не приведут ли национальные движения к новым трудностям в экономике? Не будет ли это движением в сторону от общих тенденций в мировом процессе? Опасения явно не оставляющие всех равнодушными. Не может ли это обернуться ущербом для всех народов; как сочетать национальные и общегосударственные интересы; как, каким путем и способом идти к единению? Ведь, если учитывать зарубежный опыт, нынешняя «лихорадка слияний» охватила государства Европы после длительных дебатов, острых споров, на основе осознанного выбора единственно возможного пути. Не нуждаемся ли и мы в таком этапе расширения самостоятельности выбора для того, чтобы сделать новый, но уже осознанный заинтересованный шаг к дальнейшей экономической интеграции, освобожденной от централистско-командных методов ее осуществления?

Сейчас, осмысливая концепцию национальной политики, мы так же как в других областях жизни, обращаемся к ленинскому опыту. Одни ученые считают важным использовать опыт 20-х гг., когда строилось союзное государство и В. И. Ленин боролся за равноправие всех образующих федерацию республик. Другие обращаются к дореволюционным высказываниям В. И. Ленина о преимуществах унитарного государства. Но главное в ленинском наследии идея о том, что «... марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное...»⁷. Этот конкретно-исторический подход, учет действительности (развернувшихся национальных движений) и привели к выводу о наибольшем соответствии интересам пролетариата в тех условиях не унитарного, а федеративного государства. Революционный процесс и демократизация дали тогда толчок национальным движениям. И сейчас мы наблюдаем подъем национального самосознания, волеизъявлений, а в ряде случаев движений. Так к чему же в ленинизме следует обратиться? Ведь отстаивая идею централизации, Владимир Ильич говорил о демократическом централизме. «Мы хотим единой и нераздельной республики российской, с твердой властью, — говорил В. И. Ленин на 1 Всероссийском съезде Советов (17 мая — 10 июня 1917 г.), — но твердая власть дается добровольным согласием народов»⁸.

Вопрос о реализации суверенитета, о демократических принципах национально-государственного единства, согласования интересов республик, в том числе автономных и других автономных административных единиц и ведомств — центральный. Стремление сместить акценты и выдвинуть для обсуждения как альтернативный — вопрос о судьбах так называемых «малых народов» — тоже не представляется адекватным событиям. Это лишь часть вопроса о взаимоотношении народов, об их правах, в том числе о реализации демократических принципов в отношении национально-культурных потребностей дисперсно расселенных национальностей.

Все эти вопросы — политические и в исследовании их, в выработке проектов и реализации их в первую очередь должны принять участие государствоведы. Социологи же призваны показать состояние социально-политической зрелости народов, массовые настроения, мнения, осознание потребностей социальными группами тех или других национальностей, показать, чем вызваны эти потребности, как они взаимосвязаны с социальными интересами, каковы механизмы регуляции поведения людей в тех или иных ситуациях. Но для этого нужно знать

весь комплекс социально-экономических условий, в которых живут люди. Конечно, этнографические наблюдения будут очень полезны, но их недостаточно для оценок в отношении целых народов союзных и автономных республик. Для учета настроений и мнений этих народов без этносоциологических исследований не обойтись.

Целая группа проблем политических, идеологических, социально-культурных связана с национальными движениями, национальными требованиями, с деятельностью неформальных объединений. С разных сторон — гражданской и научно-познавательной — этносоциологи включаются в исследование этих движений, а при возможности и участвуют в них. Секция этнической социологии посвятила этим проблемам в текущем году два заседания, состоялись и рабочие встречи с участниками движений. Секция стимулировала появление ряда публикаций в центральной и республиканской прессе по острым проблемам взаимодействия национальностей, возникающим в процессе разработки программ этих движений. Как показывает опыт событий вокруг Нагорного Карабаха, неинформированность или искаженная информация повышает конфликтность, сеет недоверие, осложняет взаимодействие конфликтующих сторон. Опыт Эстонии, где эстонскоязычная и русскоязычная пресса в начале обсуждения давала существенно различающуюся информацию (или русскоязычная ее просто не давала), демонстрирует, что договоренность легче достигается при более широкой информации, обосновывающей позиции, скажем, по вопросу о гражданстве в Республике, о государственном языке, о мигрантах и др. Как известно, инициаторы Народного фронта в Эстонии предпринимают усилия, чтобы включить неэстонское население в движение, понимая опасность конфликтов на национальной почве. Симптоматично высказывание М. Лауристин в статье «О проблемах межнациональных отношений» (Советская Эстония, 13 марта 1988 г. С. 3.): «... одной из главных задач могло бы быть объединение сил всех сторонников перестройки, независимо от их национальной принадлежности, в реальном противодействии тормозящим усилиям местной и центральной бюрократии, за демократические преобразования в экономической и национальной политике». Как известно, были предложения назвать движение «Национальный фронт», но во избежание изоляционизма было принято название «Народный фронт».

Мы проходим сейчас этап, когда скованность, единообразие мнений преодолены, но непривычность к возможности разных подходов в решении проблем еще остается. И в этой ситуации очень важна стадия обсуждения без взаимного навешивания ярлыков, которая позволяет уяснить позиции, прийти к согласованным решениям. Появление острых вопросов, — естественный процесс в поиске концепции национального развития, национальной политики. Именно поэтому необходимо время для открытых обсуждений перед принятием перспективных решений.

Пришло осознание необходимости обсуждения и теоретических вопросов, связанных с понятием «нации» или «народа». Признаем ли мы нацию субъектом экономических и политических отношений или только культурно-языковой общностью? От этого во многом зависит понимание и отношение к национальным интересам и требованиям, которые выдвигаются народами в современных условиях. Выявление национальных интересов и механизма их формирования одна из важнейших задач социологии всегда, а сейчас особенно. Вопрос, который теперь часто задают и специалисты, и все интересующиеся национальными отношениями: если удастся удовлетворить экономические и социокультурные потребности населения, будут ли формироваться национальные требования? На этот вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Опыт благополучной в экономическом отношении Швейцарии с развитыми демократическими институтами говорит об обратном — национальная оппозиция в той или иной форме все равно проявляется. И движение в Нагорном Карабахе тоже свидетельствует о том, что национальные интересы, возникая на базе социальных, культурных, экономических потребностей, в чем-то выходят за их пределы. Говоря о нацио-

нальных интересах мы имеем в виду интересы именно этносоциальной общности, а не лидеров, мотивы деятельности которых не всегда могут быть тождественны и требуют специального изучения. В данном же случае, как можно судить по требованиям, выдвигаемым неформальными структурами (в той или иной мере отражаемыми прессой), речь идет о том, что нация берет на себя ответственность за свое развитие, жизнеобеспечение, оптимизацию социальной структуры, сохранность экологической среды, культуры. Нет сейчас республики союзной или автономной, в которой бы те или другие проблемы из совокупности обозначенных здесь не ставились. И если защита культурно-языковых интересов и прав национальных групп касается 55 млн., то все вышеперечисленные проблемы — более 200 млн., их судеб и принципов взаимодействия во взаимозависимом и все усложняющемся, как теперь говорят, мире. Не считаться со всем этим при разработке концепции национальной политики мы не можем.

Культурно-языковые проблемы, которые всегда обсуждались и в республиках, и на всесоюзных форумах, теперь приобрели политико-идеологическое звучание, ибо часто выступают в общем пакете предложений о правовых гарантиях народов. Поэтому предмет этносоциологических исследований в отношении этих проблем расширяется. Если раньше основным было изучение взаимозависимости функционирования языков и социального роста людей в этносоциальной общности, то теперь это — и исследование самой ситуации изменения реальных потребностей в национальном языке и языке межнационального общения, влияние этносимволизирующей престижной роли языка как регулятора поведения социальных групп.

В связи с изменившейся общественной атмосферой в стране и национальными движениями по-новому осмысливается группа социально-психологических проблем: причины роста национального самосознания, повышение его функции регулятора поведения людей; влияние идеологии, средств массовой информации, элитных групп и в целом интеллигенции на национальное самосознание, национальные установки людей, их ориентации и др.

Сложность в социально-психологической сфере межнациональных взаимодействий связана не только с тем, что сняты повязки с ран, нанесенных народам в годы сталинизма, и не только у тех, которые подверглись депортации. Историческая память как компонент национального самосознания у всех народов сейчас чрезвычайно актуализирована, как это и ранее бывало в период революционных перемен в обществе. Но дело еще в том, что перестройка у нас совпала с тем этапом в межнациональных отношениях, когда народам предстояло начать взаимодействовать как равноправным. При всех элементах застоя именно в 60-е — 70-е гг. у всех народов, в том числе в прошлом отсталых, сформировалась своя научная, прежде всего научно-техническая, производственная интеллигенция, выросла численно и по квалификационному потенциалу научно-гуманитарная интеллигенция, доля квалифицированных работников физического труда. Все это объективно вносило принципиальные изменения в национальные отношения. В конце 70-х — начале 80-х гг. перед русскими возникла необходимость осознать, что они взаимодействуют с развитыми народами, т. е. реально «на равных», а те кто прежде отставал, — понять, что на прежний объем помощи они рассчитывать не должны. Подобное серьезное изменение диспозиций всегда чревато сложностями приспособления к нему. Опыт взаимодействия англо- и франкоканадцев в Канаде, фламандцев и валлонов в Бельгии свидетельствует о том, что это — общие для полиэтнических государств проблемы в современном обществе. У тех, кто догоняет, повышаются социальные потребности и претензии и это создает чувство опасения или озабоченности у остальных. И если мы раньше, говоря о росте национального самосознания, приводили примеры, главным образом, из среды народов Закавказья или республик Прибалтики и др., то теперь ни у кого не вызывает сомнений подъем самосознания и русского народа. Об этом свидетельствуют выступления в прессе и деятельность общества по охране исторических памятников в России, и идеологические дискуссии на страницах «Нашего современника» и многое другое.

Идеологический уровень национального самосознания все теснее увязывается с уровнем повседневного поведения людей. Изучение опроса в ряде библиотек Москвы⁹, показало, что «Печальный детектив» В. Астафьева пользовался такой же популярностью, как и «Зубр» Д. Гранина. Этносоциологические опросы москвичей (исследование проводилось под руководством Ю. В. Арутюняна) показали, что заинтересованность русских, живущих в Москве, в движении за сохранение исторических памятников достаточно высока. Немалая группа москвичей считает, что направлять финансирование на это не менее важно, чем на жилищное строительство и нужды здравоохранения.

В условиях обострения национальных чувств, с которым мы сейчас столкнулись, чрезвычайно важно максимальное внимание к точности научных, политических, идеологических оценок тех или других проявлений национальных волеизъявлений. Отношение к прошлому народов, их культуре нередко связывается с идеологическими и политическими позициями общественных деятелей, их оценкой сталинизма, определением пути нашего развития, особого или общего с другими странами, поисками путей к Храму и пониманием самого Храма (образ из кинофильма «Покаяние» стал символическим в дискуссиях авторов «Нового мира», «Знамени», «Нашего современника»).

В такой ситуации этносоциологическое изучение национального самосознания и межличностных национальных отношений приобретает идеологическое звучание. И общая обстановка, когда число актуальных проблем возрастает, заставляет более четко определить задачи этносоциологии.

Прежде всего важно сосредоточиться на: а) изучении системы регуляторов поведения социальных групп во всем их национальном разнообразии; б) исследовании форм активности, с которыми мы сейчас сталкиваемся у наций и национальных групп; в) изучении социальных, культурных, языковых потребностей людей, чтобы содействовать удовлетворению их запросов и интересов. Наши знания об обществе уже не достаточны. Изменения, которые в нем происходят, мы не успеваем фиксировать. Поэтому одна из неотложных задач — фиксация всех событий, происходящих в национальной жизни.

Для того, чтобы представить интересы народов в их реальном выражении, этносоциолог берет на себя не только гражданскую ответственность, но и профессиональную. Поэтому знания, которые он решает обнародовать, передать практическим организациям, должны обладать, как теперь говорят, «общественным статусом доверия», а оно «... должно быть получено на уровне современных требований к сбору и обработке массовой информации»¹⁰, на основе надежных выборов. Для решения наших национальных проблем мы очень нуждаемся в профессионалах. Организации и подразделения, которые призваны решать те или иные аспекты национальных проблем на общесоюзном и республиканском уровне, явно растут быстрее, чем число специалистов, включая и этносоциологов. Рост числа специалистов-этносоциологов и профессиональная подготовка и переподготовка уже имеющихся кадров — вопрос, который надо решать не откладывая.

Задач, уже осознанных этносоциологией и этнографией в решении национальных проблем, немало, а силы невелики. Можно направить их на то, что уже само себя «высветило» и требует незамедлительной реакции. Здесь, как говорится, важно «навалиться всем миром». Однако у нашей науки есть задачи, в решении которых ее никто заменить не может — это научно добросовестный анализ национального разнообразия процессов, происходящих сейчас в нашей стране.

Примечания.

¹ Текст написан на основе доклада, сделанного автором на заседании Президиума Советской социологической ассоциации в июне 1988 г. и заключительного слова на совместном выездном заседании Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и секции этнической социологии ССА (октябрь, Сухуми).

² Ребане Я. Основные черты национальных процессов в Республике // Коммунист Эстонии. 1988 г. № 6. С. 16.

³ См. Социальное и национальное. М., 1972; Дробижина Л. М. Духовная общность советских народов. Историко-социологические очерки межнациональных отношений. М., 1981. С. 6.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 31, 148, 323.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Национальные особенности культуры и некоторые аспекты социальной жизни советского общества // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 25, 27.

⁶ Макаревич Л. От «евросклероза» к «евроренессансу»? // Новое время. 1988. № 42. С. 12.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.

⁸ Там же. Т. 32. С. 269.

⁹ Исследование проведено в 1987 г. И. А. Снежковой.

¹⁰ Рыбкина Р. От гражданской смелости — к научной доказательности // Коммунист. 1988. № 14. С. 46.

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

Научный совет ставил целью заслушать информацию о состоянии изучения современных национальных процессов, Секция этнической социологии — о национальных требованиях в неформальных движениях¹. Поскольку интересы участников обсуждения этих проблем совпадали, а предлагаемая ими информация тесно взаимосвязана, было решено провести совместное заседание. Будучи довольно разнообразными по тематике, сообщения, заслушанные на заседании, имели ряд общих черт: объективность анализа, рассмотрение национальных процессов в контексте социальных, экономических, политических, культурных условий прошлого и настоящего, корректная постановка проблем, доброжелательность тона обсуждения.

К. С. Худавердян (АрмССР) сконцентрировал внимание на задачах изучения национальных отношений в армянской советской историографии, отметив имеющиеся достижения и малоизученные проблемы. К последним относятся, например, некоторые аспекты национально-государственного строительства, социально-экономическое и культурное развитие проживающих в Армении инонациональных групп, а также армян, живущих за пределами республики в других регионах страны.

К. С. Халлик (ЭССР) посвятила выступление национальным вопросам в процессе перестройки в Эстонии, роли неформальных движений в решении национальных проблем, убедительно показав на конкретном материале возможности плодотворного сотрудничества партийных и государственных органов с общественными движениями.

Р. Г. Симоненко (УССР) рассказал о состоянии исследований национальных отношений в УССР и перспективах их развития. Как следовало из выступления, изучению национальных процессов уделяется все больше внимания, создаются новые научные подразделения, но, по мнению некоторых других представителей республики, эти процессы развиваются слишком медленно. С большим вниманием было выслушано сообщение П. В. Терешкова (БССР) о современной этносоциальной ситуации в Белоруссии. Охватив широкий круг проблем (от состояния белорусского языка до экологии и неформальных объединений), докладчик проанализировал взаимосвязь между ними, исторические истоки сегодняшнего состояния дел и возможные варианты решения этих проблем. Академик АН ЭССР Я. К. Ребане посвятил свое выступление новым, организационным формам исследования и обсуждения национальных проблем в Эстонии. Основным звеном новой организационной структуры являются комиссии, включающие представителей партийных, государственных и общественных органов, которые осуществляют экспертные, координирующие, рекомендательные функции.

В выступлении Б. Я. Пуделс (ЛатвССР) нашли отражение состояние национальных проблем в республике и меры, принимаемые для активизации их исследования. Аналогичным по тематике был доклад В. Н. Стати (МССР).

Выступления представителей среднеазиатского региона также свидетельствовали об определенных сдвигах в изучении национальных отношений. С. С. Сафаров (ТаджССР) посвятил свое выступление некоторым теоретическим и практическим проблемам совершенствования национальных отношений в условиях перестройки советского общества. Он показал на конкретных примерах несовершенство имеющегося в распоряжении ученых понятийного аппарата. Е. К. Овлякулиев (ТССР) сообщил о создании в АН Туркменской ССР отдела по национальным проблемам и межведомственного Совета, предназначенного для координации научных исследований национальных процессов. Р. Р. Рахимов (РСФСР), рассматривающий, казалось бы, довольно узкий вопрос об узбекско-таджикских межнациональных отношениях на материале Самарканда, поднял ряд общих вопросов, актуальных и для других республик. В частности, он убедительно продемонстрировал несовершенство ряда статистических показателей и, как следствие, ненадежность соответствующих статистических данных.

Ю. И. Мкртумян (АрмССР) дал информацию о состоянии дел в Нагорном Карабахе и связанных с ним событиях в Армянской ССР. Исключительно корректный тон выступления